

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В XXI СТОЛЕТИИ*

Джек А. Голдстоун

Школа государственной политики Университета Джорджа Мейсона

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Вадим Витальевич Устюжанин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

В настоящей статье авторы рассматривают важные аспекты революционного процесса XXI столетия. Рассматриваются такие аспекты, как связь революций с процессом демократизации; причины, по которым революционный процесс начала XXI столетия проходит довольно бурно, а также некоторые прогнозы, которые обещают, что и в дальнейшем он будет весьма активным; анализируется важный тренд – рост числа радикальных исламистских революционных выступлений. Все сказанное иллюстрируется количественным анализом различного типа революций. Насколько нам известно, количественных анализов революций последних десятилетий практически нет. Между тем этот анализ убедительно показывает возрастающую роль в революционном процессе в Мир-Системе африканских стран, которая будет укрепляться и в бу-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 23-18-00535 «Борьба за новый мировой порядок и усиление дестабилизационных процессов в Мир-Системе»).

Для цитирования: Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2023). Революционный процесс в XXI столетии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* 14: 289–317. DOI: 10.30884/978-5-7057-6259-0_08.

For citation: Goldstone J. A., Grinin L., Ustyuzhanin V., Korotayev A. (2023). Revolutionary process in the 21st century. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks* 14: 289–317. DOI: 10.30884/978-5-7057-6259-0_08.

Системный мониторинг глобальных и региональных рисков 2023 289–317
DOI: 10.30884/978-5-7057-6259-0_08

дущем в этом процессе дестабилизации уже по причинам бурного роста населения и взросления государственности в этом регионе.

Введение. Подъем революционного процесса в XXI столетии

Несмотря на довольно бурный революционный процесс в первые десятилетия XXI в. во всех населенных частях света, исследований революций XXI в. явно недостаточно. Разумеется, существует заметное число важных работ (см., например: Розов 2019; Розов и др. 2019; Chenoweth, Stephan 2011; Mitchell 2012; Lawson 2019; Beissinger 2022). Но они либо не покрывают весь огромный спектр проблем, связанных с революциями, либо отстают от жизни, останавливаясь, например, как М. Бейсинджер, на событиях только до 2014 г. В ранее опубликованной работе (Голдстоун и др. 2022) мы рассмотрели три революционные волны в XXI в. и обосновали ряд теоретических положений. В настоящей статье авторы продолжают тематику революционного процесса XXI в., рассматривают иные важные его аспекты.

Рассматриваются такие аспекты, как связь революций XXI столетия с процессом демократизации; причины, по которым революционный процесс начала XXI в. проходит довольно бурно, и некоторые прогнозы, обещающие, что и в дальнейшем он будет весьма активным; анализируется важный тренд – рост числа радикальных исламистских революционных выступлений. Все сказанное иллюстрируется количественным анализом различного типа революций. Насколько нам известно, количественных анализов революций последних десятилетий практически нет. Между тем этот анализ убедительно показывает возрастающую роль в революционном процессе в Мир-Системе африканских стран, которая будет повышаться и в будущем в этом процессе дестабилизации уже по причинам бурного роста населения, а также взросления государственности в этой части мира.

На закате XX в. немало ученых верило, что время революций прошло и в XXI в. число революций сильно сократится (Fukuyama 1989; 1992; Castañeda 1993; Halliday 1999; Snyder 1999; Nodia 2000; Goodwin 2001a; 2001b; 2003). Их концепция базировалась на убеждении, что глобальная демократизация устранил причины возник-

новения революций, у людей не будет причин для революционного свержения уже установленных режимов.

Однако в XXI в. немало демократически избранных правителей было свергнуто революциями (например, Мухаммед Мурси в Египте или Серж Саргсян в Армении). С другой стороны, в XXI в. уже были достаточно яркие примеры того, как консолидированный демократический режим способен предотвратить революцию даже при наличии всех предпосылок для нее. Например, в Греции в начале 2010-х гг., по сути, сложилась революционная ситуация. Однако консолидированный демократический режим в этой стране предотвратил революцию, позволив лидерам революционного движения СИРИЗА, «Коалиции радикальных левых», на волне требования перемен в 2015 г. прийти к власти через выборы (Evripidou, Drury 2013; Ardagna, Caselli 2014; Vogiatzoglou 2017; Karyotis, Rüdig 2018). Однако, оказавшись у власти, они вынуждены были работать с партнерами по коалиции, что ограничило радикализм фактически принимаемых законов (о революционной ситуации см.: Grinin 2022).

Конечно, революционное свержение лидеров в XXI в. было зафиксировано только в неконсолидированных частичных демократиях, однако важно отметить, что в настоящее время количество последних намного превышает число демократий консолидированных (см., например: Center... 2021). Таким образом, есть основания ожидать новых революций в демократических странах в обозримом будущем. Кроме того, сегодня мониторинг социальных сетей и распространение глобальных норм значительно уменьшили способность правительств подавлять противоборствующее население даже в неконсолидированных демократиях, что также увеличивает вероятность революций в них¹.

Тенденция к увеличению революционной активности в демократиях, с одной стороны, может быть связана с дальнейшим экономическим ростом, поскольку, согласно Р. Инглхарту и К. Вельцелю (Inglehart, Welzel 2005), рост ВВП на душу населения ведет к росту людей, предпочитающих материалистическим ценностям выживания постматериалистические ценности самовыражения. При этом

¹ Как указывает Эрик Селбин (Selbin 2022), успех цветных революций основан именно на особенностях неконсолидированных демократических режимов.

такие люди значительно чаще участвуют в антиправительственных протестах, чем те, кто придерживается материалистических ценностей выживания (см. также: Inglehart *et al.* 2020). Но, с другой стороны, ухудшение уровня жизни в демократиях также может вести к росту революционной активности.

Кроме того, в консолидированных демократиях могут начаться процессы деконсолидации и факционализации. В частности деконсолидация американской демократии (см., например: Center... 2021) уже привела к сильному расколу общества и даже к праворадикальному революционному эпизоду – штурму Капитолия Соединенных Штатов Америки 6 января 2021 г. Как отмечает Дж. Лоусон (Lawson 2019: 228), «вырождение демократического капитализма может служить прелюдией к революции».

Мы полностью согласны с Эриком Селбином (Selbin 2001; 2022), который утверждает, что распространение демократизации не делает будущие революции менее вероятными, потому что во многих странах демократические практики остаются слабыми, в то время как несправедливость и неравенство высоки. Э. Селбин пришел к выводу, что революции в будущем, возможно, станут даже более вероятными, чем когда-либо прежде.

В первые два десятилетия этого века мы стали свидетелями многих революций. Таким образом, с самого начала XXI в. стало очевидным, что оптимистические ожидания сокращения числа революций не оправдались. Мир захлестнули новые революции, и их количество явно не сокращается (рис. 1). Кроме того, как мы уже указывали (Голдстоун и др. 2022), уже за первые 20 лет нового века мы можем выделить несколько революционных волн: (1) цветные революции (2000–2009), которые выглядят как четыре бугра с пиками в 2000, 2004, 2007 и 2009 гг.; (2) Арабскую весну и ее «эхо» (2011–2013/15), характеризующиеся как пик в 2011 г. и небольшое высокое плато с 2013 по 2015 г.; и (3) третью волну, начавшуюся в 2018 г. (виден явно начинающийся возрастающий тренд) и продолжающуюся до сих пор. При этом с момента завершения количественного анализа по последней версии базы данных произошли новые революционные события (или события, которые, вероятно, имеют революционную природу) в Канаде, Казахстане, Корсике,

Шри-Ланке и других местах. Но подробнее они будут проанализированы в другой статье.

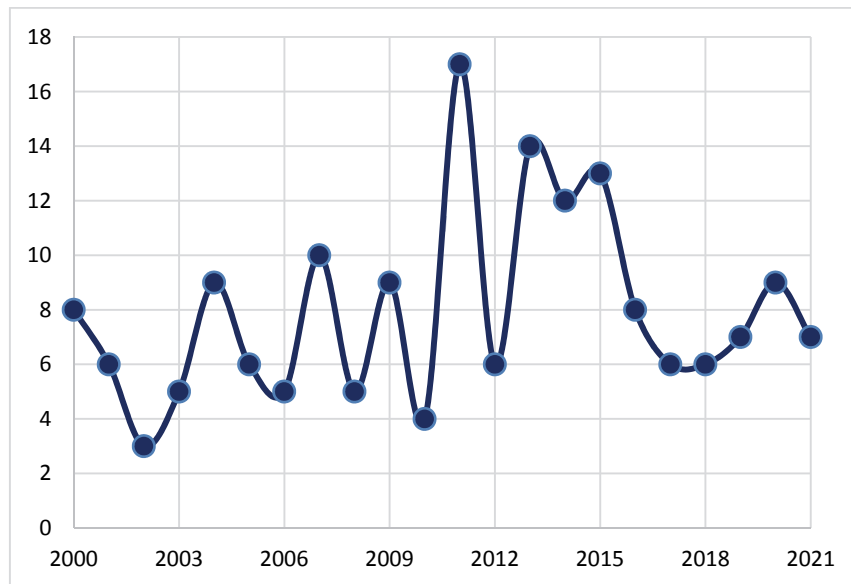

Рис. 1. Число революционных выступлений, начавшихся в соответствующие годы XXI в.

Примечание: мы начинаем с 2000 г., с «бульдозерной революции», запустившей первую революционную волну XXI в., волну цветных революций.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

Почему революции продолжаются?

Продолжая обсуждение связи революционного процесса с процессом демократизации, казалось бы, можно высказать предположение, что (а) демократия сейчас только распространяется и революции происходят преимущественно в недостаточно демократических странах с целью изменения режима; (б) по мере роста числа консолидированных демократий количество революций все-таки пойдет на спад. Однако если посмотреть на распределение начавшихся революционных выступлений в XXI в. по их целям (рис. 2 и 3), то число демократических событий, хотя и является отно-

сительно наибольшим (83 эпизода, или 39 %), но при этом не представляет собой и половины общего количества эпизодов.

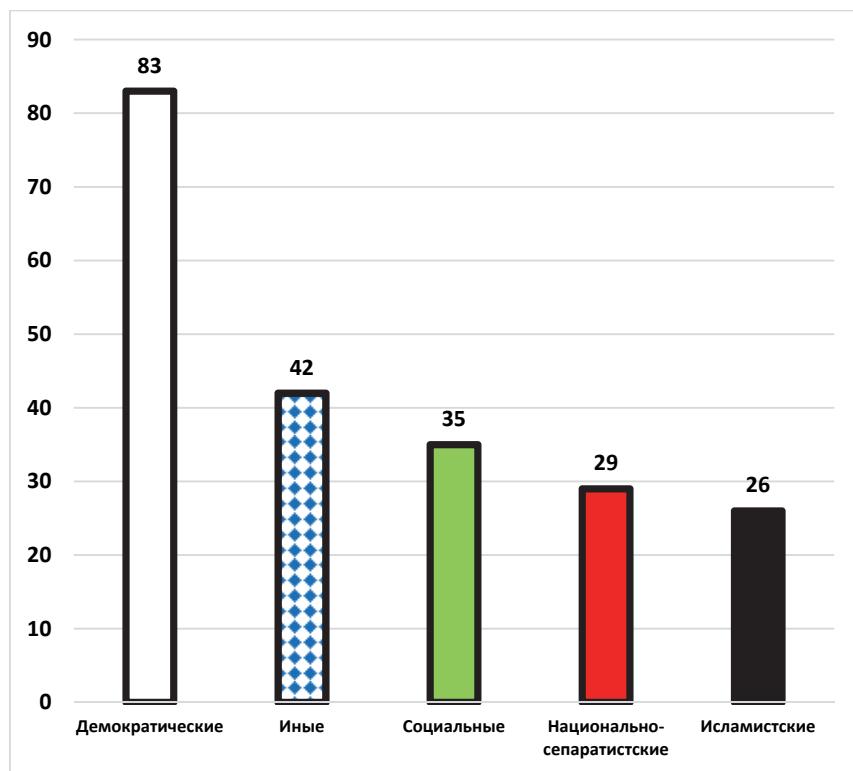

Рис. 2. Глобальное распределение числа революционных событий XXI в. по их целям, гистограмма

Примечания: категория «иные» включает в себя следующие цели: державно-модернистские, антидемократические, этнические, антиисламистские.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

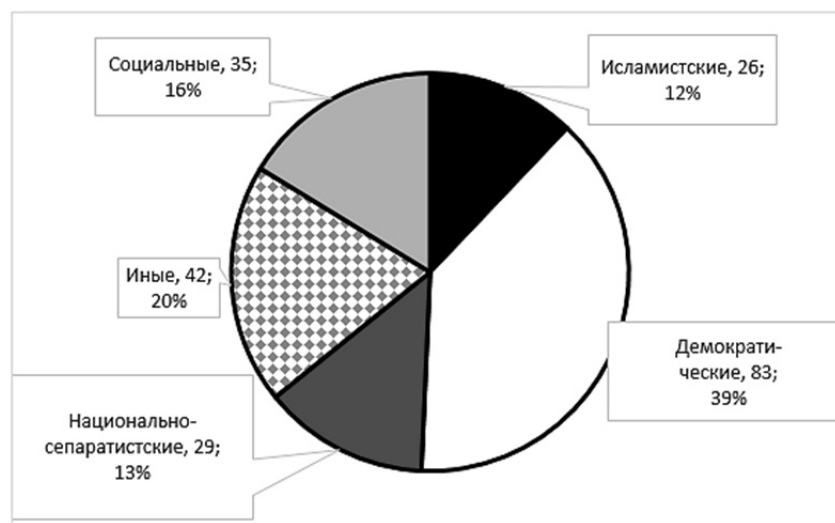

Рис. 3. Глобальное распределение числа революционных событий XXI в. по их целям, круговая диаграмма

Примечания: категория «иные» включает в себя следующие цели: державно-модернистские, антидемократические, этнические, антиисламистские.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

На рисунках видно, что число революционных выступлений, которые преследуют социальные (16 %), национально-сепаратистские (13 %) или исламистские (12 %) цели, также весьма велико. Кроме того, мы выделяем и такую подгруппу революционных выступлений, как «иные», где спектр целей протестующих варьируется от антидемократических до антиисламистских и которые являются вторыми по распространенности после демократических (42 эпизода, или 20 %).

Как уже упоминалось выше, в первые два десятилетия текущего века мы стали свидетелями многих революций. Это показывает, что, несмотря на уменьшение роли революций как прогрессивного инструмента, опережающего преобразования политической системы общества, многие революционные факторы остаются активными и еще долго будут напоминать о себе. При этом противополож-

ные демократии тенденции могут способствовать революциям, поэтому последние имеют шанс получить новый импульс. В современном интегрированном мире могут появиться неожиданные дестабилизирующие факторы, такие как COVID-19, борьба с которым привела к невиданным ограничениям свобод и соответствующим протестам. Примеры вклада COVID-19 в возникновение революционных событий уже наблюдались в последнее время в Кыргызстане (см.: Ivanov 2022), Беларуси (Клочкова 2021), Непале (Степанищева 2021), Мали и на Кубе (о влиянии пандемии на экономическую, социальную и политическую жизнь см., например: Grinin 2020; Irshad 2020; Widdowson 2021).

Некоторые глобальные тенденции и события делают революции более частым явлением. Окончание холодной войны должно было создать более упорядоченный мир, где США поддерживали бы все более открытый и либеральный мировой порядок. Но все пошло не так. Во-первых, крах коммунизма подстегнул стремление бизнес-сообщества во всем мире к неограниченному капитализму, преследующему только прибыль. Усилия «социалистов» перевести национальный доход в общественные блага и благосостояние стали менее выраженными, поддержка организованного труда сократилась, и люди остались сами по себе в конкуренции на открытых мировых рынках. В то же время желания людей быстро росли, и основой оппозиции существующим режимам стали многие группы тех, кто не добился того, чего ожидал (например, люди с высшим образованием в арабском мире, где число окончивших вузы было намного больше количества рабочих мест для белых воротничков; нижние слои среднего класса в странах со средним и высоким уровнем дохода, которым не хватало дефицитных навыков и высшего образования; а также бизнесмены, городские работники и профессионалы, путь наверх которых был заблокирован коррупцией и кумовством).

Во-вторых, доминирование США сразу после окончания холодной войны привело к рискованной внешней политике. Агрессивное продвижение Америкой западных идей (см., например: Beissinger 2007) во многих случаях привело к противоположным результатам в отношении демократии (Mitchell 2022).

В-третьих, распространение и улучшение здравоохранения и медицинского обслуживания продолжало способствовать быстрому росту населения на Ближнем Востоке, в некоторых частях Южной и Центральной Азии и в странах Африки к югу от Сахары. Это имело своим следствием бурный рост молодого населения и благодаря усилиям по распространению образования привело к появлению огромных когорт образованной молодежи в неинклюзивных и кланово-капиталистических режимах.

Наконец, глобальная рецессия 2007–2009 гг., а также скачок мировых цен на продовольствие в 2009–2011 гг. (из-за антикризисного количественного смягчения в дополнение к засухе) оказали сильное давление на режимы в странах Ближнего Востока, которым пришлось справляться с расходами на субсидии и перемещением людей из сельскохозяйственных районов, пострадавших от засухи. Режимы, претендовавшие на легитимность благодаря программам субсидий на пшеницу и другие предметы первой необходимости при «арабском социализме», уже сокращали субсидии из-за того, что им было трудно угнаться за ростом населения. Экономический и климатический кризисы 2008–2010 гг. обострили эту проблему. В то же время политика жесткой экономии, принятая в Европе, и длительный период восстановления в США замедлили глобальные темпы роста и усилили давление на государства и население, которые торговали с Европой в течение следующего десятилетия.

В дополнение к этим факторам распространение спутникового телевидения и социальных сетей создало новые каналы для общения между протестующими как внутри государств, так и между ними. Режимы часто удивлялись влиянию этих новых медиа и способности протестующих использовать их стратегически, чтобы заручиться поддержкой, и тактически, чтобы организовывать конкретные акции протеста.

Более того, с 2000-х гг. постоянно усиливалась геополитическая конфронтация между крупными державами – США, Россией и Китаем, наряду с растущей уверенностью в себе держав среднего уровня, таких как Турция, Иран или Саудовская Аравия. Европа, которая, казалось, должна была стать мощной силой интеграции и стабильности после 1989–1991 гг., вместо этого пережила соб-

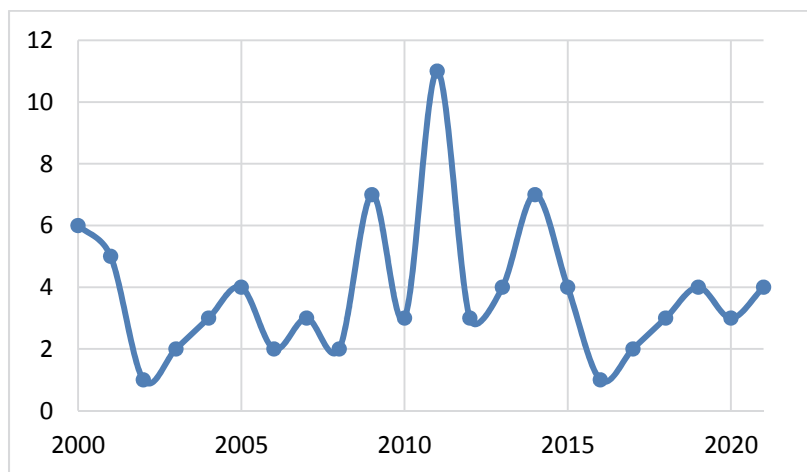
ственную эпоху революций, гражданских войн, региональной и европейской фрагментации, начиная с войн на Балканах, независимости Косово и сепаратистских движений в Испании до битвы за политику жесткой экономии и Брексита. Вместо нового *Pax Americana* за окончанием холодной войны последовали нестабильность, реконфигурация Мир-Системы и пересмотр существующего миропорядка. Причем в прозападных цветных революциях в Сербии, Грузии и на Украине, в пророссийских сепаратистских движениях в последних двух странах, в интервенции НАТО в Ливии и в событиях в Афганистане, Сирии и Ираке революции очень активно использовались как геополитическое оружие (см., например: Beissinger 2007; Mitchell 2012; 2022; Filin *et al.* 2022).

Глобальная нестабильность, замедление экономического роста, растущее неравенство, пандемия COVID-19 и внутривластная борьба, особенно из-за коррупции и преемственности внутри авторитарных и полуавторитарных режимов или из-за этнорелигиозных проблем, – все это способствовало нестабильности и революционной активности. В то же время страх перед беспорядками и терроризмом, усугубляемый опасениями по поводу иммиграции из мусульманских стран, стал причиной всплеск этнорелигиозного национализма в Европе и США, что привело к таким последствиям, как президентство Д. Трампа под лозунгом «Америка прежде всего», крайне националистическим режимам, ограничивающим демократию в Польше и Венгрии, и выходу Великобритании из Европейского союза.

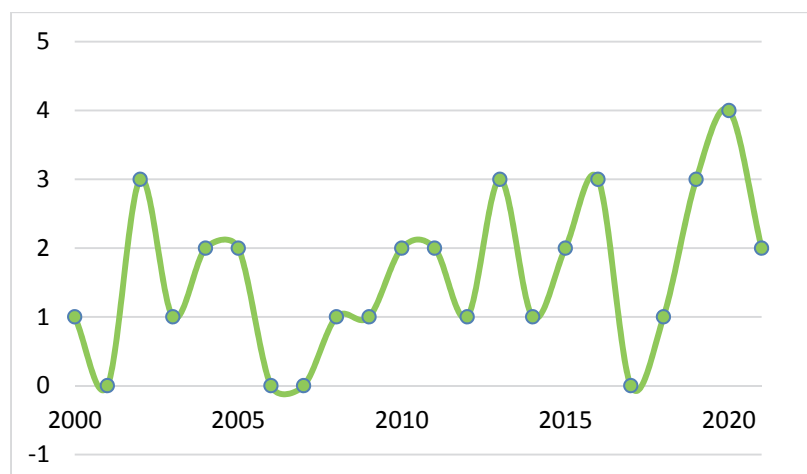
Итак, революции явно не возникают лишь для установления демократий – разнообразие целей протестующих огромно. Особенно важно в этом контексте посмотреть на динамику начавшихся в XXI в. революционных выступлений, разделенных по уже описанным целям. Так, можно заметить резкий скачок числа демократических революционных выступлений на фоне «арабской весны», однако до и после этого пика наблюдается исключительно тенденция к стагнации. В то же время число социальных и исламистских² революционных выступлений явно поступательно увеличивается. При

² Отметим, что на рис. 4в и последующих после 2018 г. видно резкое падение числа исламистских революций, однако, скорее всего, это вызвано простым недоучетом их числа ввиду их временной близости к нам, но не реальной тенденцией.

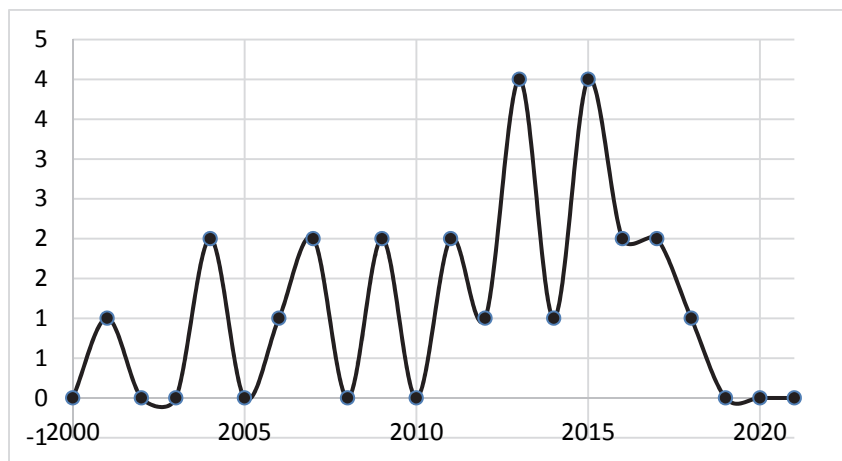
этом примечательно, что национально-сепаратистские революционные выступления, кажется, всегда находятся на приблизительно одном ненулевом уровне, за исключением нескольких скачков, обусловленных общими революционными волнами.

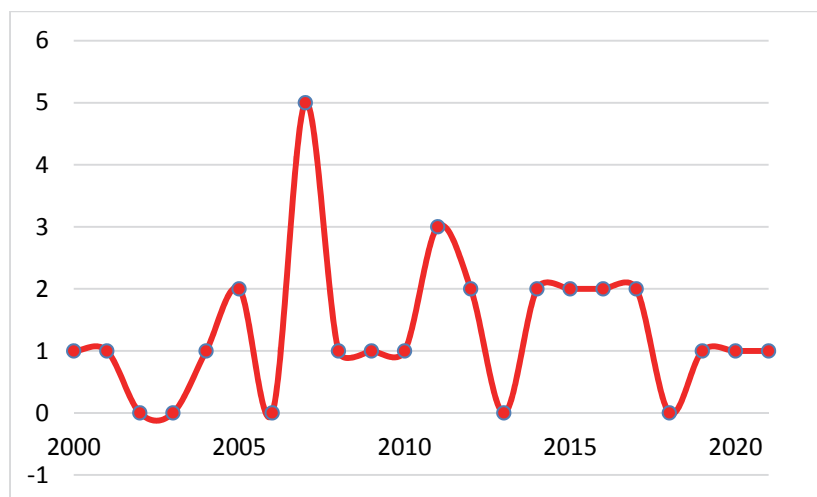
а. Число демократических революционных событий, начавшихся в соответствующий год XXI в.

б. Число социальных революционных событий, начавшихся в соответствующий год XXI в.

в. Число исламистских революционных событий, начавшихся в соответствующий год XXI в.

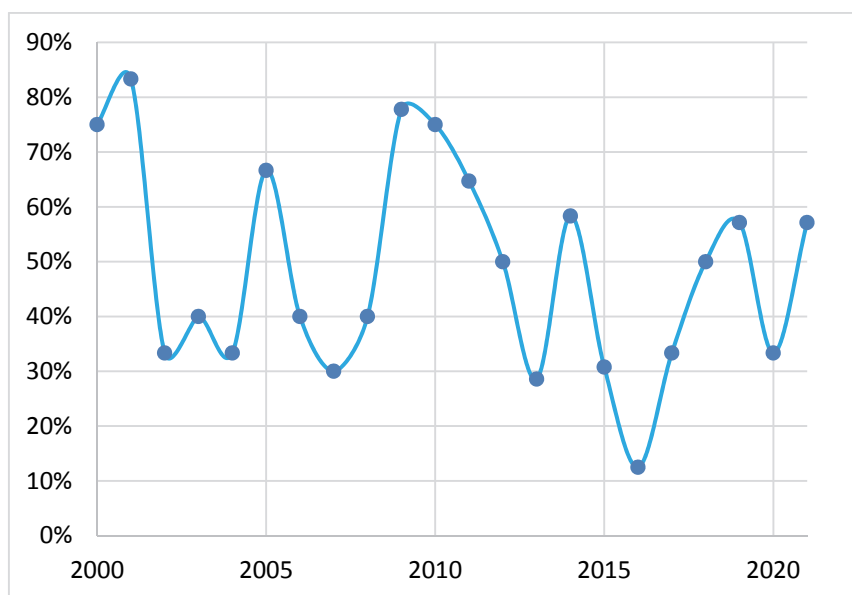
г. Число национал-сепаратистских революционных событий, начавшихся в соответствующий год XXI в.

Рис. 4. Динамика числа революционных событий разных типов, начавшихся в разные годы XXI в.

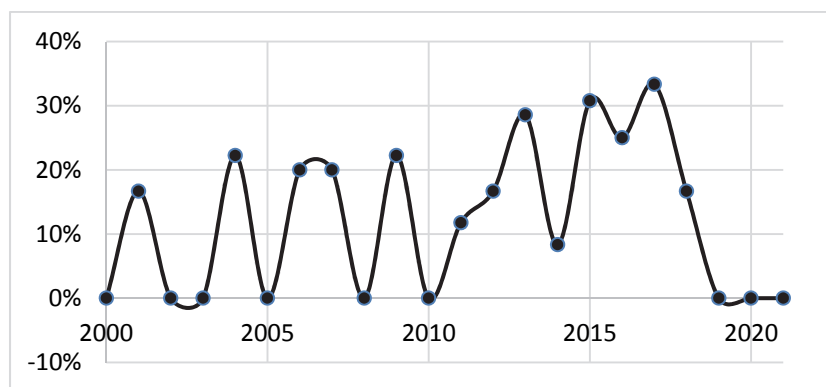
Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

Рост исламистских революционных выступлений – тревожная тенденция

Если детально рассмотреть динамику начавшихся демократических и исламистских революционных выступлений в XXI в. (рис. 5), то обнаруживается тенденция к постепенному падению доли демократических и росту доли исламистских революционных выступлений к общему числу. Так, в первые 10 лет зачастую преобладали именно демократические революционные выступления (пик пришелся на 2001 г., когда их доля составила 83 %), однако начиная со второй декады XXI в. их доля постепенно снижается. Судя по всему, это происходит в том числе за счет роста процента исламистских революционных выступлений. Если в первую декаду новые исламистские восстания вспыхивали не ежегодно и занимали в целом не более 20 % от общей доли всех революционных выступлений, то с 2010 г. наблюдается сильная тенденция к их росту. В 2017 г. на них приходится уже треть всех революционных событий в мире.

а. Процент начавшихся демократических революционных выступлений за определенный год XXI в.

б. Процент начавшихся исламистских революционных выступлений за определенный год XXI в.

Рис. 5. Динамика процента революционных событий разных типов, начавшихся в разные годы XXI в.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание в: Голдстоун и др. 2022).

Однако помимо распределения революционных выступлений по целям, кажется важным обратить внимание и на другую классификацию – было ли выступление вооруженным или нет. В целом, можно сказать, что XXI век начался относительно мирно и невооруженные революционные выступления сильно доминируют над вооруженными – 124 против 51 эпизода (рис. 6; см. также: Beissinger 2022).

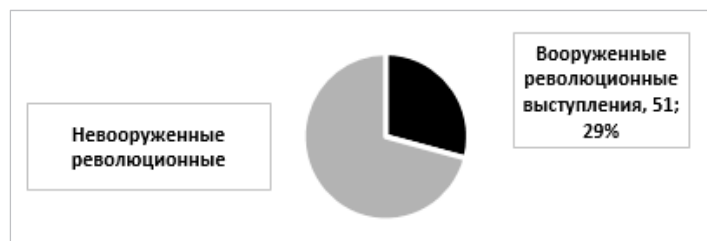
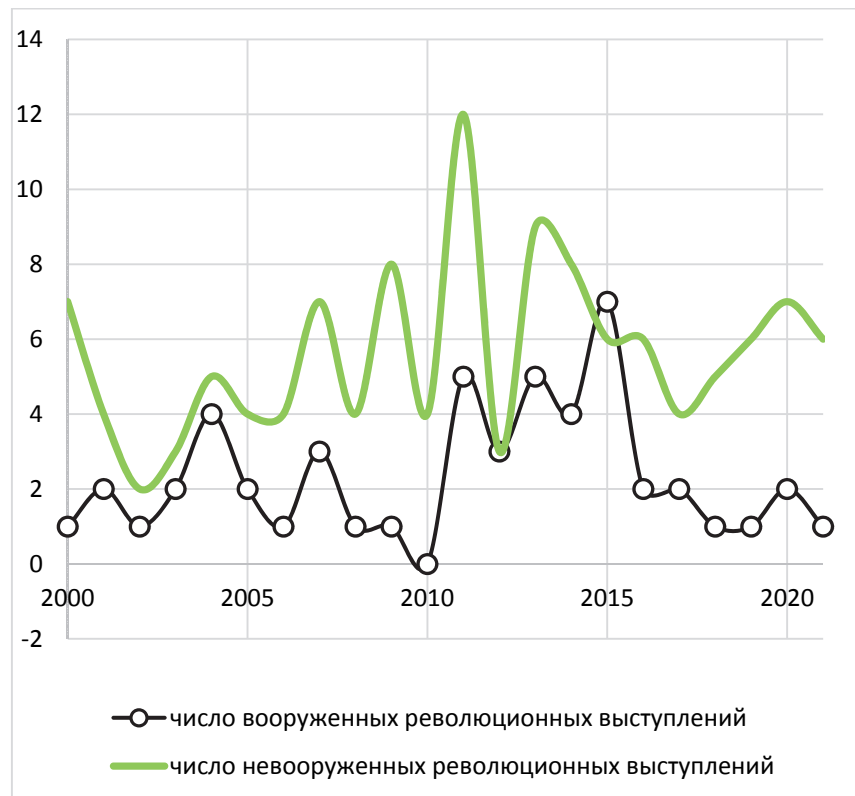

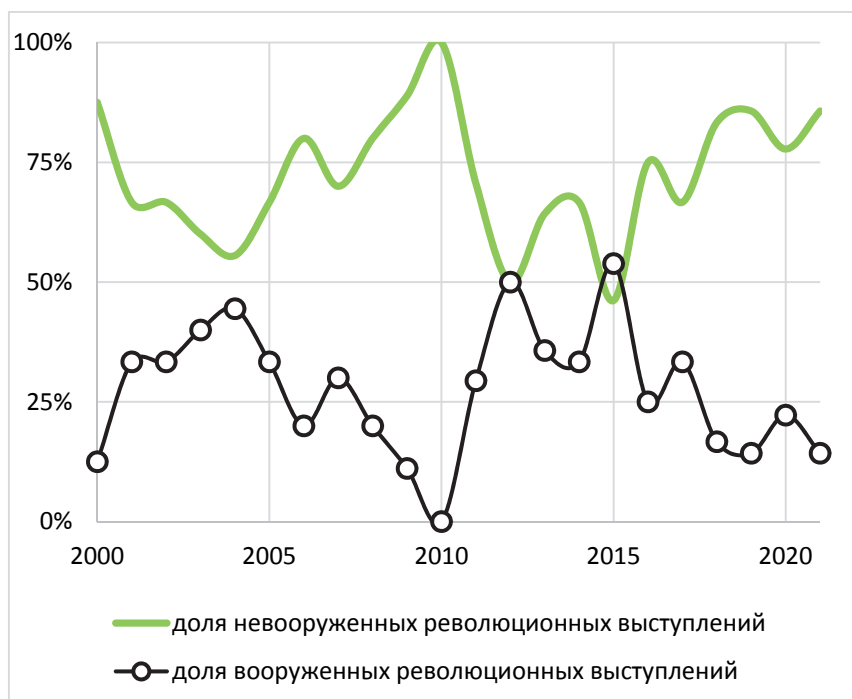
Рис. 6. Динамика процента революционных событий разных типов, начавшихся в разные годы XXI в.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание в: Голдстоун и др. 2022).

Наши выводы также подтверждаются динамикой доли и номинального числа вооруженных и невооруженных революционных выступлений. Так, невооруженный тип в целом на всем рассматриваемом промежутке преобладает над вооруженным за исключением аномальной волны 2011–2015 гг., когда их соотношение в 2012 г. сравнялось, а в 2015 г. стало 7 к 6 или 54 % к 46 % в пользу вооруженного типа (рис. 7). Однако после такого выброса тенденция нормализовалась, и видно сильное преобладание именно невооруженных революционных выступлений.

а. Число начавшихся вооруженных и невооруженных революционных выступлений XXI в.

б. Процент начавшихся вооруженных и невооруженных революционных выступлений XXI в.

Рис. 7. Динамика процента революционных событий разных типов, начавшихся в разные годы XXI в.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание в: Голдстоун и др. 2022).

Однако рассмотрение динамики революционной активности исключительно с точки зрения начавшихся в определенный год событий не отражает реальности – необходимо также проанализировать число зафиксированных за каждый год активных и начавшихся революционных выступлений. Зачастую многие революции длятся отнюдь не один год, особенно это актуально для вооруженных революционных выступлений, которые могут тянуться несколько десятков лет, как, например, было в Афганистане с движением «Талибан», чья борьба за власть длилась с 2001 по 2021 г. и в итоге оказалось успешной. Другими словами, в этой части анализа мы

примем во внимание кумулятивный эффект активных революционных событий, чтобы по-новому взглянуть на общемировую тенденцию. Так, на рис. 8 отчетливо видно, что число революционных выступлений имеет явную тенденцию к росту, и говорить о конце революций не стоит: в 2019 г. число активных революционных выступлений достигло 45, тогда как в 2000 г. их было только восемь (при этом мы учитываем революционные выступления, начавшиеся в XX в. и перешедшие в XXI в.).

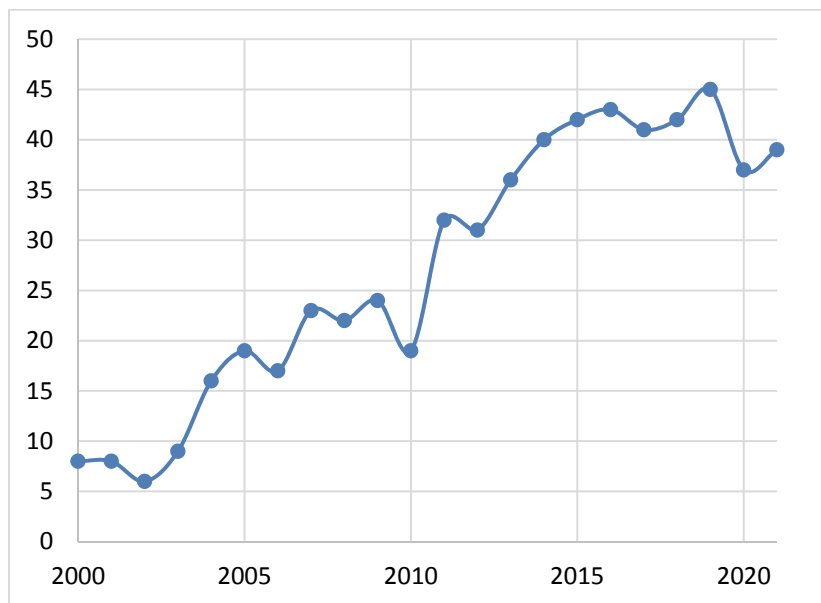

Рис. 8. Число революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Источник данных: база данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

На рис. 9–13 представлены попарные сравнения числа зафиксированных в XXI в. активных революционных выступлений по целям. Так, видно, что демократические революции отнюдь не доминируют над остальными типами революционных выступлений, как могло показаться вначале. Например, с 2015 г. появляется явный тренд на увеличение числа исламистских революций, тогда как число де-

мократических не растет. Отчасти это связано с тем, что исламистские революции почти всегда носят вооруженный характер и, что характерно для этого типа, являются довольно продолжительными, в то время как демократические революционные выступления, как правило, заканчиваются относительно быстро. Однако разрыв в процентном соотношении, который можно увидеть на рис. 10, все равно выглядит довольно большим (в 2018 г. 48 % всех активных революционных выступлений были исламистскими, а демократическими – только 20 %) и, судя по всему, продолжится и в последующие годы.

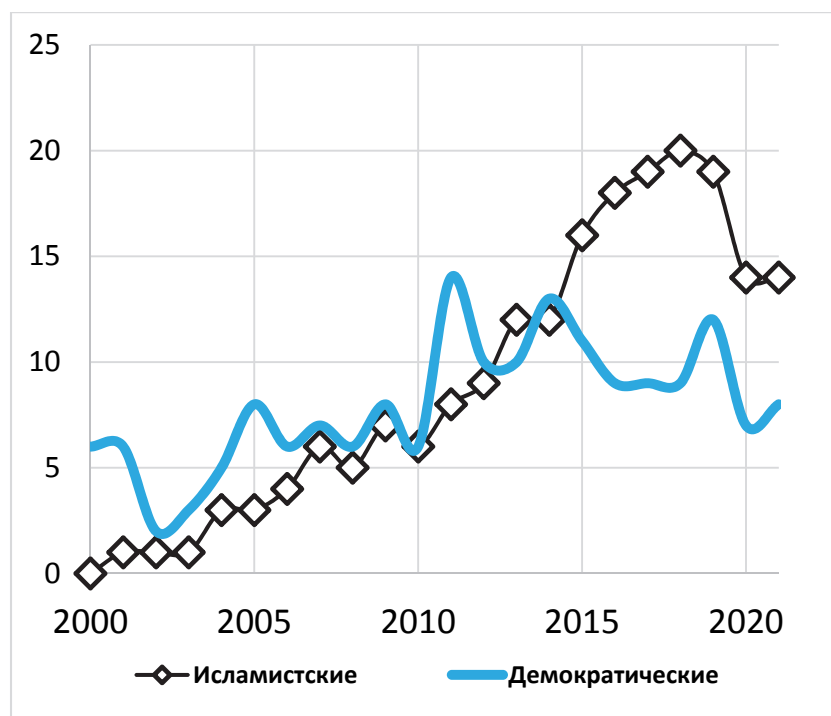

Рис. 9. Сравнение числа исламистских и демократических революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

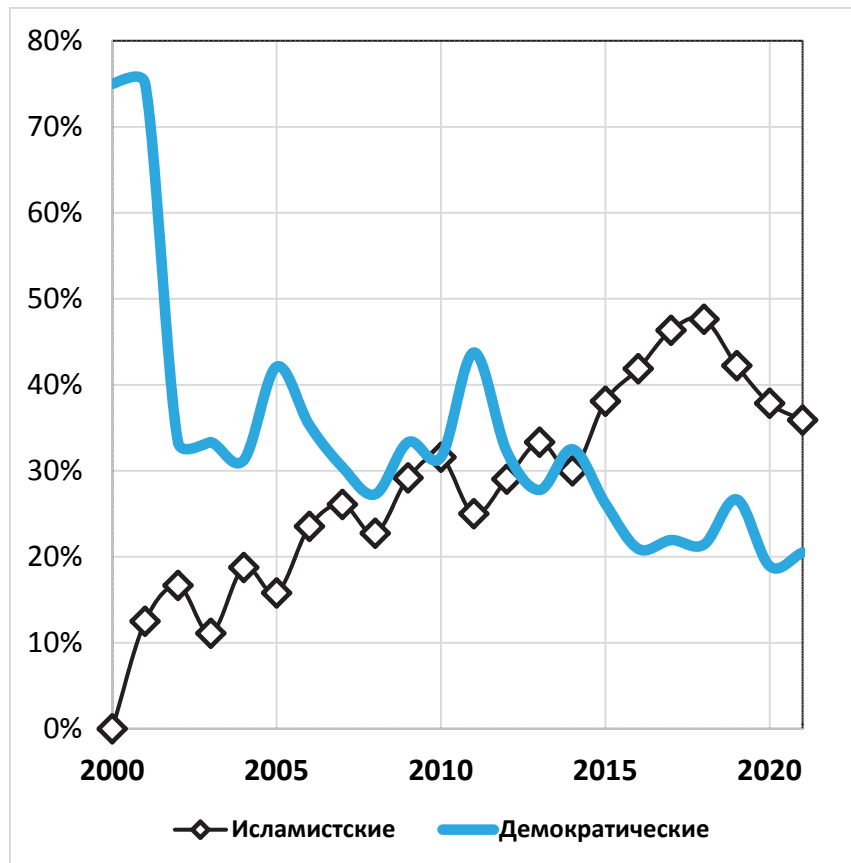

Рис. 10. Сравнение доли демократических и исламистских революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

Что примечательно, число активных национально-сепаратистских революционных выступлений, как правило, не сильно уступает числу выступлений демократических, что видно из рис. 11. В 2016 и 2017 гг. даже видно их преобладание, однако связано это опять-таки с преимущественно вооруженным затяжным характером национально-сепаратистских революций (ср.: Beissinger 2022).

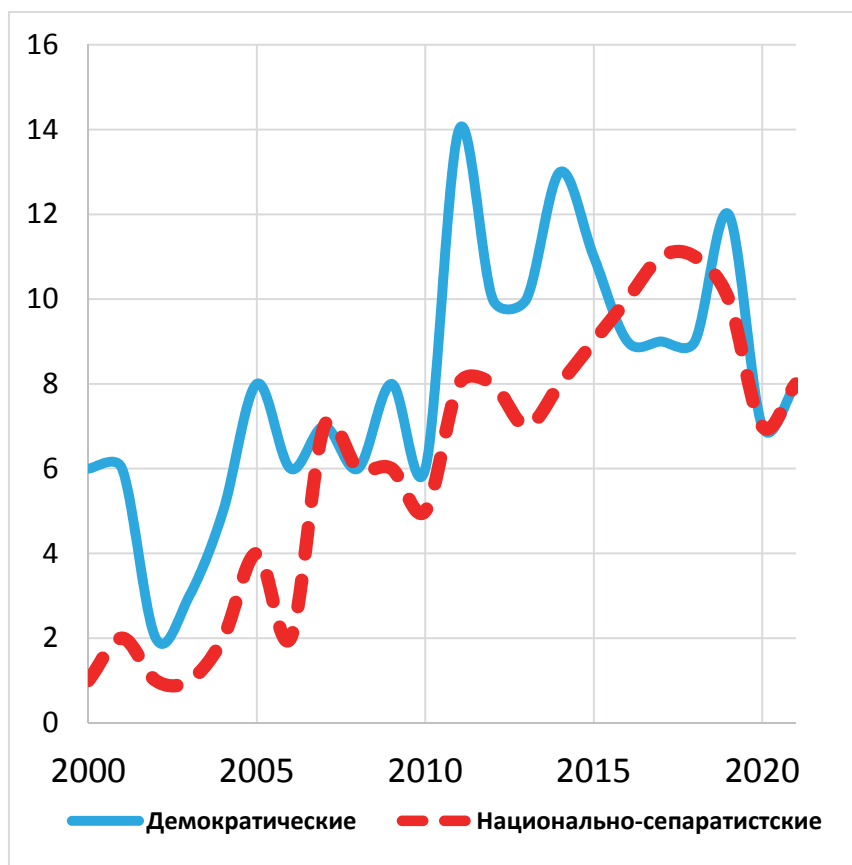

Рис. 11. Сравнение числа демократических и национально-сепаратистских революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

Если обратиться к рис. 12, на котором представлено сравнение числа демократических и социальных выступлений, то видна тенденция к постепенному росту последних. В 2020 и 2021 гг. они даже начали превосходить демократические из-за начавшегося с 2018 г. резкого роста.

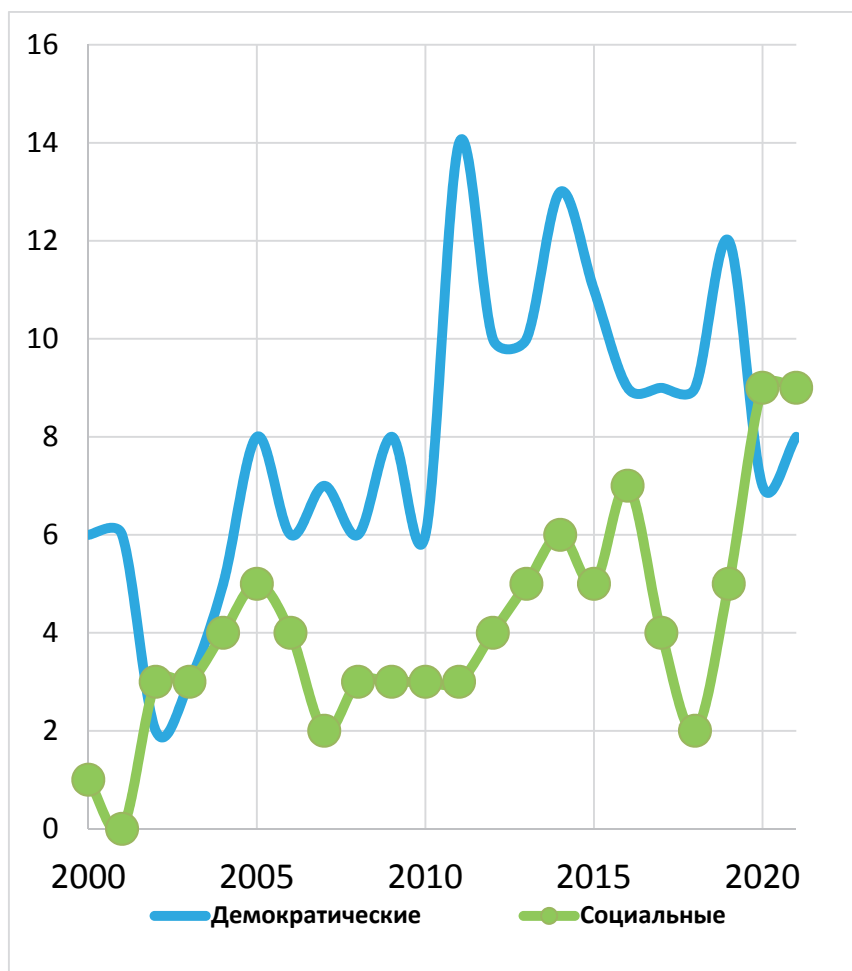

Рис. 12. Сравнение числа демократических и социальных революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

Интереснее тут то, что социальные революционные выступления по своей продолжительности очень похожи на демократические, то есть связать рост их числа и доли (рис. 13) просто с их протяжен-

ностью, как это было в случае с исламистскими и национально-сепаратистскими, не получится. Судя по всему, есть реальная тенденция к нарастанию социальных революционных выступлений, тогда как демократические начинают уступать. Это еще раз опровергает идею о закате революций: они явно меняют форму в сравнении с XX в., но не заканчиваются.

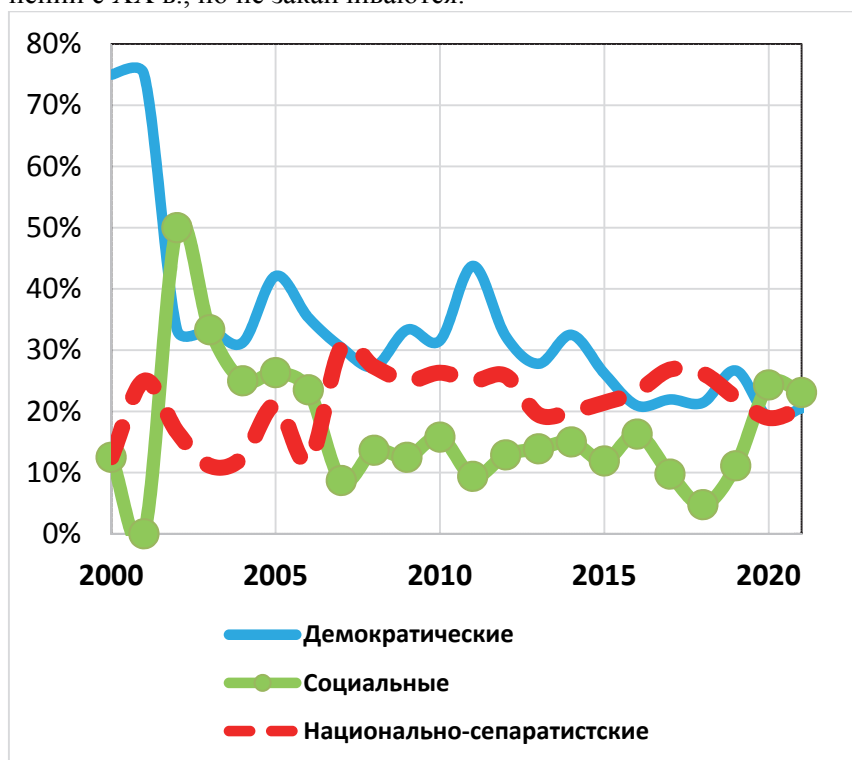
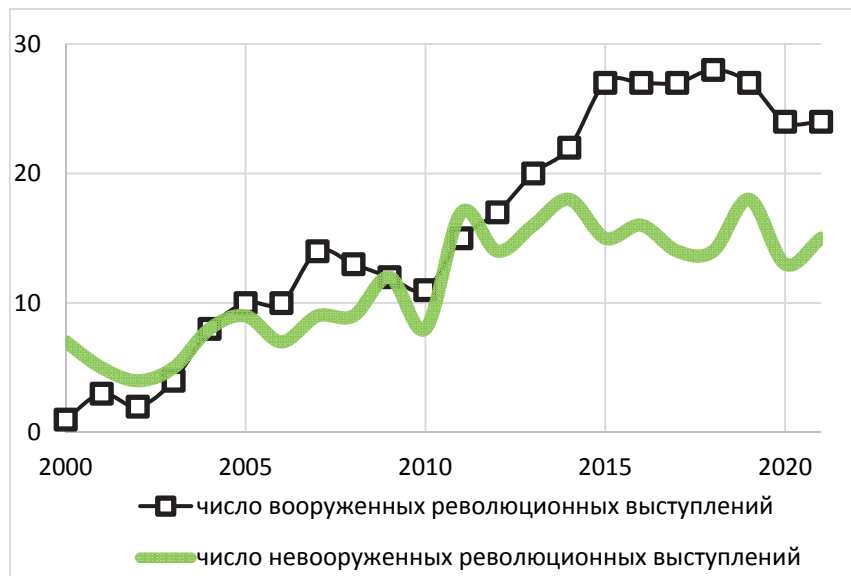

Рис. 13. Сравнение доли демократических, социальных и национально-сепаратистских революционных выступлений, зафиксированных в соответствующие годы XXI в.

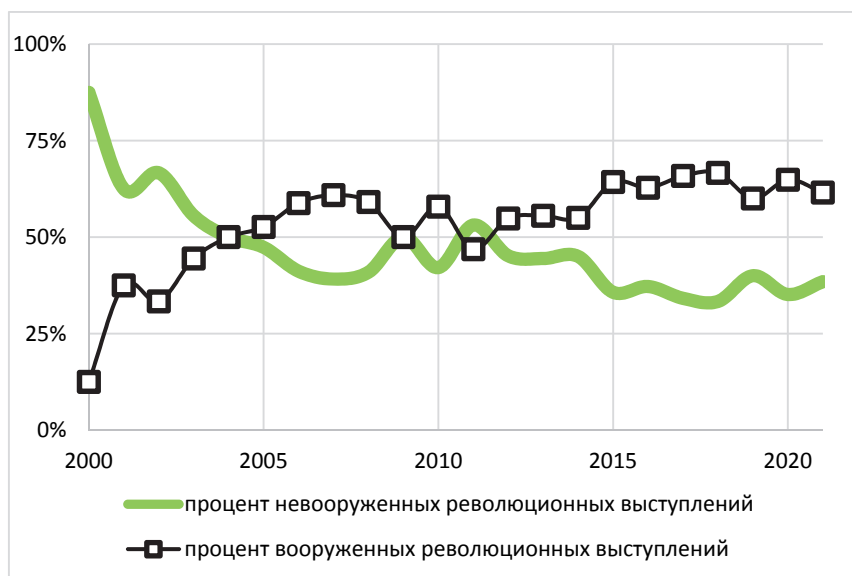
Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

Рассмотрев классификацию революционных выступлений по целям, можно вернуться к их разделению на вооруженные и нево-

оруженные. На рис. 14 видна тенденция, заметно отличная от той, которую мы наблюдали при рассмотрении числа революционных событий, начавшихся в соответствующий год (рис. 7). Если в большинство лет нашего века мы имели дело с началом большего числа вооруженных выступлений (относительно числа начавшихся вооруженных революционных выступлений), то из-за того факта, что вооруженные революционные выступления обычно продолжаются значительно дольше невооруженных, каждый данный год мы обычно имеем дело с большим числом активных (начавшихся + продолжающихся) вооруженных, чем невооруженных выступлений. При таком подсчете вооруженные революции в XXI в. в целом устойчиво преобладают над невооруженными. При этом началось это почти с самого начала века – 2005 г., и продолжилось в дальнейшем, за исключением 2011 г., пика арабской весны, когда число невооруженных выступлений было 17 против 15 вооруженных. Однако после этого разрыв сильно увеличился и в целом вооруженные выступления в последние годы составляют в среднем около 65 %.

а. Число зафиксированных вооруженных и невооруженных революционных выступлений XXI в.

б. Процент зафиксированных вооруженных и невооруженных революционных выступлений XXI в.

Рис. 14. Динамика процента революционных событий разных типов, зафиксированных в разные годы XXI в.

Источник данных: База данных революционных событий XXI в. (см. ее описание: Голдстоун и др. 2022).

Заключение

Есть много причин, которые подтверждают, что революционный процесс в XXI столетии, по крайней мере в ближайшие десятилетия, будет довольно активным. В этом заключении мы хотим остановиться на одной из них, которую назвали бы демографическим дисбалансом внутри стран и между ними.

Исследования в области политической демографии установили сильную связь между этапами демографического перехода и трансформациями политических режимов (Cincotta 2008/2009; Cincotta, Doces 2012; Urdal 2006; Weber 2013; Wilson, Dyson 2017). На ранних этапах перехода, когда население молодое и быстро растет, режимы редко бывают демократическими и, как правило, характеризуются высоким уровнем насилия и гражданских конфликтов.

Как мы показали (Goldstone 2002; 2016), высокие темпы роста населения могут привести к обострению конкуренции внутри элиты, облегчению массовой мобилизации и нагрузке на государственный потенциал, особенно в случае отставания экономического роста. Это означает, что те регионы мира, которые «застряли» на ранних стадиях демографического перехода, с высокими темпами роста населения и молодым населением (в основном Африка южнее Сахары, а также Ирак, Сирия, Йемен, Пакистан и некоторые регионы Центральной Америки), будут склонны к революциям в ближайшие десятилетия, особенно если экономический рост окажется слабым или искаженным коррупцией.

Демографы прогнозируют сильный демографический рост в Африке, особенно в странах южнее Сахары, включая зону Сахеля (Kotayev *et al.* 2016; UN Population Division 2019; Vollset *et al.* 2020; Wittgenstein Center 2020). Во многих странах прогнозы показывают увеличение численности населения в этом макрорегионе к 2050 г. в два раза, а к 2100 г., в зависимости от типа прогноза (низкий, средний или высокий), – от трех до пяти раз. Такой стремительный рост населения может «взорвать» все пропорции. В этом случае будет сочетаться ряд мощных факторов нестабильности: быстрая модернизация во всех сферах общества; быстрая урбанизация; усиление этнонациональных и этноконфессиональных процессов в связи с созреванием африканских обществ. Последние окажутся самыми молодыми в мире, а вместе с быстрой урбанизацией это резко обострит социальные проблемы: безработицу, бедность и многое другое, с неизбежным ростом социальной конфронтации. Это приведет к закреплению молодежных бугров и сделает общество крайне восприимчивым к различным дестабилизирующим процессам, включая революционный терроризм и радикализм. Слабость государственности и постоянно усиливающийся фактор геополитического соперничества в Африке (а также другие мир-системные влияния) могут в некоторых местах обострить проблемы революционного терроризма, дезинтеграции государств, увеличить число беженцев и создать другие гуманитарные катастрофы.

Революции в этих регионах могут произойти как в случае высокого, но неравномерного экономического роста, так и в случае, если экономический рост столкнется с проблемами. Если режимы

продолжат оставаться коррумпированными и будут происходить этнические и региональные конфликты, то экономический рост во многих странах останется искаженным и спорадическим. В сочетании с демографическим давлением это создаст благоприятные условия для революций.

Библиография

- Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2022. Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования* 4: 130–147.
- Клочкова И. П. 2021. Белорусская революция 2020–2021 гг. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Т. 12. Волгоград: Учитель. С. 854–861.
- Розов Н. С. 2019. *Философия и теория истории*. Кн. 2. *Причины, динамика и смысл революций*. М.: Красанд/URSS.
- Розов Н. С., Пустовойт Ю. А., Филиппов С. И., Цыганков В. В. 2019. *Революционные волны в ритмах глобальной модернизации*. М.: Красанд/URSS.
- Степанищева Я. В. 2021. Выступления за восстановление монархии в Непале (декабрь 2020 – январь 2021 г.). В: Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Быканова Д. А. (отв. ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 12. Волгоград: Учитель. С. 627–637.
- Ardagna S., Caselli F. 2014. The Political Economy of the Greek Debt Crisis: A Tale of Two Bailouts. *American Economic Journal: Macroeconomics* 6(4): 291–323.
- Beissinger M. R. 2007. Structure and Example in Modular Political Phenomena: The Diffusion of Bulldozer/Rose/Orange/Tulip Revolutions. *Perspectives in Politics* 5(2): 259–276.
- Beissinger M. 2022. *The Revolutionary City. Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Castañeda J. 1993. *Utopia Unarmed: The Latin American Left After the Cold War*. New York: Vintage Books.
- Center for Systemic Peace (2021) Polity5 Database. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p5v2018.xls>.
- Chenoweth E., Stephan M. J. 2011. *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

- Cincotta R. 2008/2009.** Half a Chance: Youth Bulges and Transitions to Liberal Democracy. *Environmental Change and Security Program Report* 13: 10–18.
- Cincotta R., Doces J. 2011.** The Age-Structural Maturity Thesis: The Impact of the Youth Bulge on the Advent and Stability of Liberal Democracy. *Political Demography* / Ed. by J. A. Goldstone, E. P. Kaufmann, M. D. Toft. New York: Oxford University Press. Pp. 98–116.
- Evrpidou A., Drury J. 2013.** This is the Time of Tension: Collective Action and Subjective Power in the Greek Anti-Austerity Movement. *Contention* 1(1): 31–51.
- Filin N., Khodunov A., Koklikov V. 2022.** Serbian “Otpor” and the Color Revolutions’ Diffusion. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 465–482.
- Fukuyama F. 1989.** The End of History. *The National Interest* 16: 3–18.
- Fukuyama F. 1992.** *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.
- Goodwin J. 2001a.** Is the Age of Revolutions Over? *Revolution: International Dimensions*. Washington, DC: CQ Press. Pp. 272–283.
- Goodwin J. 2001b.** *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goodwin J. 2003.** The Renewal of Socialism and the Decline of Revolution. *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. London: Zed Books. Pp. 59–72.
- Goldstone J. A. 2002.** Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–21.
- Goldstone J. A. 2016.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World: Population Change and State Breakdown in England, France, Turkey and China 1600–1850* (25th anniversary edition). London: Routledge.
- Grinin L. E. 2020.** How Can COVID-19 Change Geopolitics and Economy? *Journal of Globalization Studies* 11(2): 119–131.
- Grinin L. E. 2022.** On Revolutionary Situations, Stages of Revolution, and Some Other Aspects of the Theory of Revolution. *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 69–104.

- Halliday F. 1999.** *Revolution and World Politics: The Rise and Fall of the Sixth Great Power*. Durham, NC: Duke University Press.
- Inglehart R., Haerpfer C., Moreno A., Welzel C., Kizilova K. et al. 2020.** Longitudinal Data File, 1981–2020 (file: "WVS_TimeSeries_R_v1_2.rds"). URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/>.
- Inglehart R., Welzel C. 2005.** *Modernization. Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Irshad S. M. 2020.** Covid-19 and Global “At-Risk Community”: From Benefit-Sharing to Risk-Sharing of Economic Crisis. *Journal of Globalization Studies* 11(2): 132–142.
- Ivanov E. 2022.** Revolutions in Kyrgyzstan. *New Waves of Revolutions in the 21st Century – Understanding the Causes and Effects of Disruptive Political Changes* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 517–547.
- Karyotis G., Rüdig W. 2018.** The Three Waves of Anti-Austerity Protest in Greece, 2010–2015. *Political Studies Review* 16(2): 158–169.
- Korotayev A., Zinkina J., Goldstone J., Shulgin S. 2016.** Explaining Current Fertility Dynamics in Tropical Africa from an Anthropological Perspective: A Cross-Cultural Investigation. *Cross-Cultural Research* 50(3): 251–280.
- Lawson G. 2019.** *Anatomies of Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mitchell L. A. 2012.** *The Color Revolutions*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Mitchell L. A. 2022.** The Color Revolutions. Successes and limitations of Non-Violent Protest. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 435–445.
- Nodia G. 2000.** The End of Revolution? *Journal of Democracy* 11(1): 164–171.
- Selbin E. 2001.** Same as It Ever Was: The Future of Revolution at the End of the Century. *Revolution: International Dimensions* / Ed. by M. N. Katz. Washington, DC: Congressional Quarterly Press. Pp. 284–297.
- Selbin E. 2022.** All Around the World: Revolutionary Potential in the Age of Authoritarian Revanchism. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. Pp. 415–434.

- Snyder R. 1999.** The End of Revolution? *The Review of Politics* 61(1): 5–28.
- Urdal H. 2006.** A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. *International Studies Quarterly* 50: 607–629.
- Vogiatzoglou M. 2017.** *Turbulent Flow: Anti-Austerity Mobilization in Greece // Late Neoliberalism and its Discontents in the Economic Crisis*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Vollset S. E., Goren E., Yuan C.-W., Cao J., Smith A. E., Hsiao T. et al. 2020.** Fertility, Mortality, Migration, and Population Scenarios for 195 Countries and Territories from 2017 to 2100: A Forecasting Analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet* 396(10258): 1285–1306.
- Weber H. 2013.** Demography and Democracy: The Impact of Youth Cohort Size on Democratic Stability in the World. *Democratization* 20(2): 335–357.
- Widdowson M. 2021.** From Covid-19 to Zero-Gravity: Complex Crises and Production Revolutions. *Journal of Globalization Studies* 12(1): 119–146.
- Wilson B., Dyson T. 2017.** Democracy and the Demographic Transition. *Democratization* 24(4): 594–612.
- Wittgenstein Centre. 2020.** Wittgenstein Centre Human Capital Data Explorer. URL: <http://dataexplorer.wittgensteincentre.org/wcde-v2/>.
- UN Population Division. 2019.** *World Population Prospects 2019*. Vol. I. *Comprehensive Tables*. New York: UN Population Division.